

Глава 12

Головчин и Лесная

Все было готово к началу новой кампании. Лагерь противоборствующих сторон рассредоточились на огромных пространствах. Основные силы шведов с Карлом во главе располагались между Гродно – Вильно – Минском. Здесь король разместил двенадцать пехотных полков и шестнадцать полков кавалерии и драгун – всего около 35 000 человек. Кроме того, в его распоряжении имелись силы на Балтике. 12-тысячный корпус Левенгаупта в Риге уже получил приказ выступить на соединение с главными силами, а 14-тысячный корпус Любеккера в Финляндии – начать движение по Карельскому перешейку на Петербург. Если бы даже не удалось захватить новую столицу Петра, что было бы величайшим успехом, этот маневр по крайней мере отвлек бы его внимание и силы. Наконец, если в Польше все будет спокойно, то и оставшиеся там 8000 солдат Крассова смогут выступить на восток, на подкрепление Карлу. Общая численность шведских войск на всем театре военных действий достигала 70 000 человек.

Петр располагал существенно большими силами. Главная русская армия Шереметева и Меншикова, преграждавшая путь на Псков и Москву, широкой дугой обхватила треугольник шведского лагеря, от Полоцка и Витебска на севере до Могилева и Быхова на юге. Пехота была отведена вглубь и сосредоточена между Двиной и Днепром. Передовые позиции занимали крупные кавалерийские силы под командованием Гольца, перекрывавшие главную Минско-Смоленскую дорогу и патрулировавшие вдоль Березины – на них должен был прийти первый удар шведов. Южнее, на дороге Минск – Могилев, дополнительный отряд охранял переправу через Березину. Всего вдоль оборонительной дуги было дислоцировано двадцать шесть пехотных и тридцать три драгунских полка общей численностью 57 500 человек. У Апраксина, ведавшего обороной Петербурга, находилось в подчинении еще 24 500 человек. Третьей группой русских войск (16 000 человек), расположенной в районе Дерпта – между балтийским побережьем и позициями основных сил, – командовал генерал Боур; перед ней ставилась задача нейтрализовать действия рижского корпуса Левенгаупта.

Все эти силы были готовы отреагировать, куда бы ни двинулись шведы. Если на Псков и Петербург, Меншиков и Шереметев выступят навстречу им, на север, а если прямо на Москву, – русские встретят их на Березине и Днепре. Действия Боура зависели от маневров Левенгаупта: двинется Левенгаупт на север к Петербургу – туда же, на подмогу Апраксину, должен идти и Боур; пойдет Левенгаупт на юг, на соединение с королем, – и Боур повернет к югу, чтобы поддержать Шереметева. Отдельный 12-тысячный корпус князя Михаила Голицына стоял под Киевом, закрывая подступы к Украине. Из всех направлений, по которым могли двинуться шведы, это тогда представлялось наименее вероятным.

Соотношение сил составляло 110 000 русских против 70 000 шведов (точнее, против 62 000, поскольку отряд Крассова находился слишком далеко, чтобы принять участие в боевых действиях). Численный перевес русских стоил бы немного, но в затяжной кампании восполнять потери им было гораздо легче, чем шведам. Под Нарвой русские превосходили шведов в четыре раза. Сейчас соотношение сил было пять против трех.

* * *

6 июня, когда уже пробилась свежая травка, Карл принял решение выступить. Полки снялись с лагеря в Радошковичах, где пробыли три месяца, и повернули к Минску – ключевому пункту на варшавско-смоленско-московской дороге. От Минска дорога вела к Борисову на Березине – там была переправа, которую русские собрались оборонять.

26 апреля и 13 июня состоялись два военных совета, на которых Шереметев и Меншиков пришли к решению дать шведам первый бой у переправы через Березину. Петр на этих советах не был, но намерение оборонять водный рубеж полностью поддержал. В мае русская армия была разделена на корпуса под командованием Меншикова, Шереметева,

Галларта, Репнина и Гольца, которые покинули зимние квартиры и заняли позиции вдоль восточного берега реки, протянувшиеся на сорок четыре мили. Не зная, в каком месте король нанесет удар, русские расположили войска так, чтобы их можно было перебрасывать вдоль линии обороны; но, скорее всего, шведов следовало ожидать на переправе у Борисова, и там основательно укрепились 8000 солдат Гольца.

Карл знал об этом и решил снова обойти противника с фланга – на сей раз с юга. 16 июня, после девятидневного перехода, шведы вышли на берег Березины. Русский заслон, состоявший из казаков и драгун, отступил без боя; шведские инженеры навели два моста, и армия переправилась через реку. В результате этого успешного маневра шведы оставили Минск в глубоком тылу, и это значило, что король наконец покинул пределы Речи Посполитой, где жил и воевал последние восемь лет.

Меншиков и Шереметев были страшно раздосадованы тем, с какой легкостью переиграли их шведы, и не обманывались насчет реакции государя, когда тот узнает об их оплошности. На военном совете, состоявшемся 23 июня в Могилеве, они решили держать оборону на участке западнее Днепра и отстаивать города Могилев и Шклов. По армии был разослан приказ всем корпусам выступить к месту сбора на западном берегу реки Вабич, притока Друти, где намечалось дать шведам сражение – не решающий бой, а такой, чтобы только задержать неприятеля и нанести ему ощутимый урон.

Тем временем Карл подумывал повернуть на север и, обойдя с тыла, взять в клещи охранявшие переправу у Борисова силы Гольца, но разведка донесла ему, что вся русская армия движется к югу, на левый берег реки Вабич, и сосредотачивается у села под названием Головчин. Король решил больше не избегать неприятеля, и шведская армия выступила на Головчин. Погода ухудшилась. Шли непрерывные дожди, дороги развезло, да к тому же через каждые несколько ярдов их перекрывали завалы из деревьев, порубленных русскими. Джеффрис писал в Лондон: «По этому случаю я не могу не воздать должное шведским солдатам, ибо, думаю ли я о величайших трудностях, которые им пришлось испытать, прокладывая путь по пояс в непролазной грязи, или о том, сколь терпеливо сносили они голод и жажду, не имея в достатке даже воды и хлеба, я прихожу к заключению, что такими подданными вправе был бы гордиться любой государь в Европе».

30 июня к Головчину, на берег глубокой, болотистой речки Вабич, прибыл сам король. Он увидел, что русская армия заняла за рекой сильные позиции, протянувшиеся на шесть миль вдоль размытых дождем болотистых берегов Вабича. Прошло несколько дней, прежде чем подтянулись основные силы шведской армии. Тем временем и русские войска пополнялись постоянно прибывавшей пехотой и кавалерией. Пока Карл изучал местность и разрабатывал план сражения, среди его ветеранов росло нетерпение – речушка мелкая, ее ничего не стоит перейти вброд: почему бы просто не пойти и не разогнать эту толпу? Но Карл понимал, что это не так легко, как кажется. Русские возвели сильные укрепления, укрылись за рвами и траншеями, отгородились бревенчатыми надолбами (*chevaux de frise*). Их армия разделена на два основных корпуса: северным, из тринадцати пехотных и девяти кавалерийских полков, командовали Меншиков и Шереметев, а южным, насчитывавшим девять полков пехоты и три драгун, – Репнин. Между ними лежал заболоченный перелесок, по которому протекал ручей, впадавший в Вабич. По обоим флангам были размещены дополнительные силы – к северу от Шереметева, за большим и топким болотом, стояла пехота и кавалерия Галларта, а к югу от Репнина расположился Гольц с десятью полками драгун (10 000 человек), казаками и калмыками.

Русские, наученные горьким опытом неоднократных обходов с флангов, вытянулись в очень длинную, но неглубокую полосу, и Карл решил воспользоваться чрезмерной растянутостью неприятельских позиций. Пока подтягивались его основные силы, он посылал вниз и вверх по реке отряды, которые совершали ложные вылазки, отвлекая на фланги значительные силы противника. Поэтому Галларт, выдвинутый далеко на севере, даже не сумел принять участие в последующей битве.

Вопреки предположениям русских, Карл не замышлял флангового обхода. В растянутых русских позициях самым уязвимым местом был центр – между корпусами Шереметева и Репнина, где протекал ручей и лежало болото. Если нанести удар здесь, болото помешает одному корпусу прийти на помощь другому. Карл решил обрушиться на стоявшие южнее болота войска Репнина и лично повести в атаку пехоту. Реншильду во главе кавалерии предстояло схватиться с конницей Гольца.

К 3 июля подошло более половины всех сил Карла – около 20 000 человек, и в полночь он поднял полки по тревоге и отдал приказ приготовиться к бою. В ту ночь над рекой поднялся густой туман, и за этим естественным прикрытием Карлу удалось незаметно подтянуть артиллерию и выкатить орудия на заранее намеченные позиции. К двум часам ночи восемь самых тяжелых орудий было установлено на позиции, позволявшей с близкой дистанции вести через реку огонь прямой наводкой. На рассвете, как только первые лучи солнца пробились сквозь завесу тумана, шведская артиллерия открыла огонь, и Карл во главе 7-тысячного отряда устремился через реку на ошеломленных русских.

Вода доходила до груди, а то и до плеч, с русского берега поливали огнем, но шведы, держа оружие над водой, двигались вперед невозмутимо и неуклонно, будто на учениях. Взобравшись на противоположный берег, они остановились для перегруппировки. Карл прошелся вдоль строя, спокойно выравнивая шеренги, а затем повел солдат вперед, через болото. Идти было нелегко, да и русские, к удивлению Карла, не растерялись и не побежали. Они приняли бой и повели огонь по шведам с 30–40 шагов, а затем стали отходить в относительном порядке, перезаряжая ружья и не переставая стрелять по наступающим шеренгам. Однако желания схватиться со шведами врукопашную у них не было, и хотя их огонь достигал цели, закаленные воины Карла упорно продвигались вперед.

Когда шведы распознали тактику русских, они стали использовать ее сами – останавливались перезарядить оружие и отвечали противнику огнем. Такого еще не случалось в сражениях, которые давал Карл XII. Джеффрис писал: «Бой был столь ожесточенным, что на протяжении часа не было слышно ничего, кроме непрерывной мушкетной стрельбы с обеих сторон».

К 7 часам утра Репнин понял, что основной удар шведов обрушился на него. По просьбе Репнина на помощь его теснимой шведами пехоте было брошено 1200 драгун Гольца, которые налетели на пехотинцев Карла с правого фланга. Карла выручил Реншильд: шведская кавалерия еще не вступала в бой и находилась на другом берегу реки, когда он заметил приближение русской конницы. С четырьмя эскадронами конной гвардии численностью в 600 человек он поскакал через реку и столкнулся с русской конницей прежде, чем та успела смять шведскую пехоту. Сеча была кровавой, и шведы с трудом отражали натиск вдвое превосходящего противника. Но из-за реки им на подмогу подходили свежие эскадроны; атака русских захлебнулась, и они отступили в леса.

Таким образом, попытка русской кавалерии прорваться и атаковать шведскую пехоту не удалась, и русские пехотинцы остались один на один с наступающими шведами. Через реку переправлялась свежая шведская пехота, и наступление не останавливалось ни на миг. Как и замыслил Карл, противник не выдержал яростного напора, сосредоточенного на одном участке обороны. Солдаты Репнина дрогнули, подались назад, шеренги потеряли равнение, а потом распались, и войска, оставив лагерь и артиллерию, рассыпались на подразделения и отступили в леса.

Было 8 часов утра. Неожиданной, стремительной атакой Карл добился победы над корпусом Репнина, но стоявший на севере, за болотом, корпус Шереметева в деле не участвовал. Поначалу, заслышав стрельбу и увидев, что шведы атакуют Репнина через реку, Шереметев послал ему подмогу, но, как и предвидел Карл, помешало болото. Когда Карл развернул войска, чтобы встретить Шереметева, в этом уже не было необходимости. Памятуя о наказе Петра не рисковать всей армией, русский фельдмаршал стал отходить к Могилеву и Днепру.

Битва под Головчином была первым серьезным столкновением русских и шведских войск с тех пор, как, почти год назад, Карл выступил из Саксонии в свой долгий поход. Формально шведы одержали победу. Они атаковали и захватили сильную позицию противника. Шведская кавалерия дралась превосходно и сумела отразить заметно превосходящие русские силы. Король был в гуще сражения, выказал большое личное мужество и не получил даже царапины. Русские снова отступили, и дорога на Днепр была открыта. Легенда о непобедимости шведов осталась непоколебимой.

Однако прибывший позднее Петр, узнав о ходе сражения от Меншикова, остался в общем доволен. Безусловно, его тревожило то, что войскам пришлось оставить еще один водный рубеж, но, во-первых, в деле участвовала только треть дислоцированной здесь армии; а во-вторых, на нее обрушилась вся мощь прославленной шведской пехоты во главе с самим королем. Солдаты Петра ожесточенно бились четыре часа и не были разбиты наголову, а отступили, отстреливаясь и сохраняя порядок, и когда в конце концов оставили поле боя, то не бежали беспорядочной толпой, а рассыпались на подразделения, которые могли соединиться и снова вступить в бой. Потери русских составили 997 человек убитыми и 675 ранеными, у шведов было убито 267 человек и ранено более тысячи. При подсчетах, однако, следует учитывать то обстоятельство, что Петр мог возместить свой урон, тогда как шведская армия таяла с потерей каждого солдата.

Петр приказал провести дознание: какие полки стояли твердо, а какие не исполнили свой долг. Некоторые командиры в полной мере испытали на себе царский гнев. Репнин был предан военному суду и временно отстранен от командования. На четвертый день после баталии, в Шклове, состоялся общий военный совет, который пришел к решению не пытаться оборонять Могилев на Днепре, а отступать по Смоленской дороге к Горкам. Но прежде казакам и калмыкам велено было исполнить свое дело. Царским приказом весь край был обречен на опустошение – чтобы шведы-победители шли по выжженной земле.

Удовлетворен был и Карл, известивший о новой победе Стокгольм и все европейские дворы, однако его не могла не беспокоить перемена в поведении русских войск. Битва под Головчином открыла ему глаза на то, что русская армия уже не та беспорядочная толпа, которая бежала от него под Нарвой. В этой баталии силы противников были почти равны, и русские сражались достойно. Джеффрис признал, что «московиты хорошо усвоили преподанный им урок и произвели немалые усовершенствования в делах военных, и когда бы их солдаты выказали хотя бы половину той храбрости, какую явили офицеры (по большей части иностранцы), неизвестно, чем бы закончилась для нас последняя схватка».

Вдоль дороги на Могилев, по которой двигалась шведская армия, дымились избы и амбары. 8 июля войска подошли к городу. Могилев стоял на Днепре, по которому в то время проходила граница России. Посланные королем отряды переправились через реку без единого выстрела, тогда как основные силы остались на западном берегу. Было очевидно, что предстоит лишь недолгая передышка – на время, пока будут собираться припасы для завершающей стадии похода. Кампания практически подходила к концу. Все великие речные преграды остались позади. В 100 милях к северо-востоку находился Смоленск, а в 200 милях за ним – Москва.

* * *

Находясь в Могилеве, Карл посылал отряды на противоположный берег наводить мосты через реку, но переправлять основные силы не стал – к полному недоумению как собственной армии, так и наблюдательных русских разъездов. Целый месяц – с 9 июля по 5 августа – 35-тысячная шведская армия на западном берегу ждала подхода из Риги корпуса Левенгаупта. Граф Адам Людвиг Левенгаупт, генерал от инфантерии, которого Карл за педантичную ученость прозвал «маленьким латинским полковником», был человек меланхолический, дотошный, чрезмерно чувствительный к мнению окружающих – он повсюду видел заговоры и козни соперников, но при этом оставался смелым и знающим

офицером, исполнявшим приказы с редкостным рвением. Для него не имело значения, сколь малочисленна пехота, которой он командовал, и, напротив, сколь велики силы противника и грозны его укрепления. Получив четкий приказ, Левенгаупт строил солдат в шеренги и шел вперед, демонстрируя полное пренебрежение к смертоносному вражескому огню. Его трагедия и просчет Карла состояли в том, что Левенгаупт получил задание, которое требовало личной инициативы и способности к смелой импровизации.

Левенгаупт был военным губернатором Курляндии и управлял шведскими балтийскими провинциями, вернее, тем, что к этому времени от них осталось. На их территории и близ Риги он располагал армией численностью 12 500 человек. В марте Левенгаупт побывал у Карла в Радошковичах и получил от короля простой и ясный приказ: силами своей армии собрать большой обоз, загрузить его таким количеством военных и съестных припасов, чтобы его людям хватило их на три месяца, а главной армии – на шесть недель, и сопровождать обоз по литовской территории до соединения с основными силами. Перед завершающим броском на Москву обоз Левенгаупта должен был пополнить армию припасами, а его солдаты – существенно увеличить ее боевую мощь. По предварительным подсчетам, 400 миль, отделявших Могилев от Риги, предстояло пройти за два месяца.

Но эти подсчеты оказались ошибочными. Вернувшись в начале мая после свидания с королем в Ригу, Левенгаупт тут же принялся за дело, но перед ним стояла задача собрать 2000 подвод и 8000 лошадей, не говоря уже об огромных количествах самих припасов, и он не успел уложиться в срок. 3 июня, когда армия Карла готовилась сняться с лагеря у Радошковичей, Левенгаупт получил приказ выступить из Риги к Березине, но ответил, что до конца месяца двинуться не сможет. И действительно, длинный обоз и эскорт из 7500 пехотинцев и 5000 кавалеристов пустился в путь лишь в конце июня. Сам Левенгаупт задержался в Риге еще на месяц и прибыл к своим войскам только 29 июля, когда по первоначальному плану уже намечалось соединение с основными силами. На самом же деле его обоз прошел всего 150 миль и находился севернее Вильно – более чем в 250 милях от двигавшихся к Могилеву основных сил Карла.

Узнав о том, что войска Левенгаупта покидают Ливонию и Курляндию и движутся на юг, удаляясь от балтийского побережья, Петр вздохнул с облегчением. Это со всей определенностью показало, что целью Карла не является Петербург, а значит, Левенгаупт с юга и Любеккер с севера из Финляндии не возьмут город в клещи, обрушив на него двойной удар. Апраксин имел в своем распоряжении достаточно сил для того, чтобы потягаться с одним Любеккером, что бы тот ни предпринял. Поэтому части генерала Боура, насчитывавшие 16 000 и державшие под наблюдением Левенгаупта, теперь получили приказ выступить на юг.

Итак, осуществление планов Карла зависело от Левенгаупта. Многие ставили в вину Левенгаупту медлительность и проволочки, но не в его власти было управлять погодой. Огромные колеса тяжело груженных подвод проваливались в грязи, и, даже подкладывая ветки, сучья и бревна, их с трудом удавалось сдвинуть с места. Левенгаупт вез с собой и переносный мост – гордость военных инженеров, – звенья которого соединялись между собой гибкими кожаными ремнями. Мост так намок, что каждую его секцию приходилось нести тридцати двум солдатам, да и то с передышками через двадцать шагов. За месяц обоз прошел всего 143 мили, в среднем менее пяти миль в день. Кончился июль, наступил август, а там и сентябрь, а корпус Левенгаупта все еще месил дорожную грязь.

* * *

Лучшие для ведения кампании драгоценные летние месяцы – с 8 июля по 15 сентября – Карл потратил на ожидание. Дело было даже не столько в том, что он остро нуждался в этих припасах, – он опасался оставлять Левенгаупта далеко позади. Если бы русские вклинились в разрыв между шведскими армиями, Левенгаупт остался бы без поддержки. Вначале Карл рассчитывал дождаться Левенгаупта в Могилеве на Днепре, прежде чем основные силы

переправятся через реку. Из донесений о медленном продвижении обоза следовало, что он должен прибыть к 15 августа, и Карл сгорал от нетерпения. Но этот день наступил и прошел, а Левенгаупт так и не появился. Тем временем армия томила и бездействовала. Раненые под Головчином успели подлечиться и встать в строй, но зато тысячи лошадей подчистую выели всю траву в окрестностях Могилева.

Карл решил возобновить наступательные операции. Конечно, сейчас он не замышлял глубокого стремительного прорыва к Москве, как планировал ранее. Король намеревался действовать поблизости от Днепра в надежде навязать русским сражение и тем самым прикрыть Левенгаупта. Он предпринял ряд маневров, совершая каждый день короткие переходы – то на юг, то на север, – рассчитанные на то, чтобы сбить с толку царя и застать врасплох кого-нибудь из его генералов.

Между 5 и 9 августа шведская армия наконец переправилась через Днепр и двинулась на юго-восток, к южному флангу позиции, которую занял Петр на Смоленской дороге. 21 августа армия Карла подошла к Черикову на реке Сож; тут выяснилось, что кавалерия Меншикова уже стоит на противоположном берегу и к ней на подмогу движутся крупные силы пехоты. Две большие армии оказались в непосредственной близости друг от друга, и между их патрулями и разъездами случались беспрестанные стычки. 30 августа произошло сражение. Но не такое, на какое надеялся и какого ожидал Карл. Король расположил свою армию вдоль речки, протекавшей по краю болота. У дальнего края болота, в трех милях от короля, стоял лагерь командующий тыловым охранением Росс. Перейти болото было трудно, но все-таки возможно: урок Головчина научил царя и его генералов не считать болото непреодолимой преградой. На рассвете 30 августа 9000 русской пехоты и 4000 драгун под командой князя Михаила Голицына в густом утреннем тумане перешли болото и обрушились на лагерь Росса возле села Доброе. Шведы, которые никогда до того не подвергались атаке русской пехоты, были захвачены врасплох. Последовала яростная двухчасовая рукопашная схватка, прежде чем со стороны основных шведских сил подошло подкрепление и русские отступили назад, через болото. Заслышав стрельбу, Карл подумал было, что царь хочет дать генеральное сражение, и на следующий день построил свою армию в боевой порядок. Но атаки русских не последовало, и когда кавалерия Реншильда провела разведку русских позиций, обнаружилось, что они пусты и отходящий арьергард сжигает за собой поля и селения.

Хотя сражение при Добром не было крупным и русские потеряли вдвое больше, чем шведы (убито 700 и ранено 2000 человек против 300 убитых и 500 раненых у шведов), Петр ликовал. В первый раз русская пехота перехватила инициативу, отрезав и атаковав часть шведской армии. Солдаты храбро сражались, а затем успешно вышли из боя, отступив в полном порядке. Голицын получил орден Св. Андрея Первозванного. Царь с восторгом писал Апраксину: «Надежно вашей милости пишу, что я, как и почал служить, такого огня и порядочного действия от наших солдат не слыхал и не видал (дай Боже и впредь так) и такого еще в сей войне король шведский ни от кого сам не видал. Боже! Не отними милость свою от нас впредь».

Карл снова неспешно двинулся на север, и к 11 сентября шведская армия подошла к пограничному городку Татарску – самой северо-восточной точке России, до которой суждено было дойти шведскому королю. Отсюда шла дорога на Смоленск, но вид с дороги открывался зловещий: день и ночь над горизонтом полыхало багровое зарево. Карл видел, какому опустошению подверг царь соседние с Россией польские и литовские земли, но он и помыслить не мог, что ту же тактику Петр применит и в своей стране. Эта картина заставила Карла задуматься. Как бы упорно ни наседали на неприятеля, тот постоянно ускользал. Шведские солдаты строились в боевые порядки, а оказывались лицом к лицу с безлюдной пустыней. Собранные под Могилевом припасы таяли с каждым днем. Пища была скверной, и хотя сам король ел из солдатского котла, роптали не только немецкие наемники, но даже иные шведские ветераны. Все время приходилось идти по выжженной земле, и густые облака дыма от сожженных полей и селений порой затмевали солнце на горизонте; стоило

кому-нибудь отстать, как тут же налетали отряды казаков и калмыков. Джеффрис мрачно заметил: «Сейчас мы принуждены питаться лишь тем, что удастся найти и выкопать из земли [крестьянские запасы], но если неожиданный мороз лишит нас этого средства, боюсь, что Его Величество вместо грозной армии приведет в Россию кучу голодранцев».

Выручить мог только Левенгаупт. Получи шведская армия припасы из его обоза, ей удалось бы спокойно миновать опустошенные земли и пробиться к изобильным окрестностям Москвы. Напряженно всматриваясь в завесу дыма на востоке, Карл и его командиры то и дело оглядывались назад, с нетерпением повторяя: где же Левенгаупт?

С каждым днем положение ухудшалось. Армия изготавилась к могучему завершающему удару, который положил бы конец войне, но идти вперед без Левенгаупта войска не могли – земля впереди была выжжена дотла. Но и стоять на месте они тоже не могли из-за нехватки провианта. Оставалось два выхода. Первый – отступить к Днепру и дожидаться Левенгаупта. Карл тут же отбросил эту мысль: ему невыносимо было думать о возвращении. Для него это означало признать провал всей летней кампании. Хотя король и не знал точно, где находится Левенгаупт, он надеялся, что тот уже на подходе и, несмотря на все задержки, они вскоре соединятся. Второй выход был не лишен риска и оттого гораздо больше импонировал Карлу: отклониться от курса на Смоленск и Москву и повернуть на юг в Северскую землю⁴³. Это позволило бы сохранить наступательный порыв шведов и в то же время дало бы армии возможность оказаться в богатых, не тронутых разорением землях, где на полях как раз убирали урожай. На Северщине, пополнив припасы, Карл мог бы дожидаться подкрепления от Левенгаупта, а уж затем идти на Москву.

Карл долго совещался в Татарске с Реншильдом и Пипером и в конце концов склонился к этому маршруту. Решение было принято, и следовало двигаться без промедления и скрытно, ибо только так можно было надеяться прибыть в Северскую землю раньше русских. У шведов было преимущество – к Северской земле они находились ближе и могли воспользоваться более коротким путем. Значит, нужно было повернуться спиной к русским и быстрым маршем уходить на юг, чтобы оставить противника позади и первыми дойти до цели. Итак, в Татарске шведская армия получила новые приказы. Особый мобильный авангард из 2000 пехотинцев и 1000 кавалеристов, отобранных среди гвардейцев и других лучших частей, получил двухнедельный запас провизии, чтобы не тратить время на ее поиски в пути. Командиру авангарда – генералу Андерсу Лагеркроне – было приказано идти форсированным маршем, занимая по дороге населенные пункты и речные переправы, что открыло бы шведам путь на Северскую землю и перекрыло бы его для русских. Лагеркроне был посвящен в общий план действий и знал, что целью операции является захват главного города Северской земли – Стародуба. Расстояние от Татарска до Стародуба по прямой составляло 125 миль. В ту же ночь к Левенгаупту были посланы курьеры с донесением об изменении маршрута и приказом идти к Стародубу. В течение ночи отбыли поодиночке в разное время три гонца: хотя бы один из них должен был добраться до Левенгаупта.

Ранним утром 15 сентября начался поход на юг – роковой для Карла поход, во многом определивший судьбы России и Петра. Наступление на Москву было отложено – как оказалось, навсегда. С решением, принятым в Татарске, удача отвернулась от шведов. Минувшей осенью и зимой Карл прошел едва ли не половину Европы и, совершив ряд блистательных маневров, одолел несколько грозных речных рубежей. Но летом 1708 года стратегическое чутье изменило Карлу: он попал в зависимость от Левенгаупта с обозом. Левенгаупт не поспел к сроку, и было потеряно все лето, а вместе с ним и возможность броска на Москву. Но все же в сентябре 1708 года, когда Карл принимал в Татарске решение повернуть на юг, он еще владел инициативой и его армия была цела. Он двинулся в Северскую землю с верой в то, что провал Московской кампании – лишь временная неудача.

⁴³ Северские земли (города) – русские территории на границе с Литвой в бассейне Сейма и Десны (Брянск, Чернигов, Новгород-Северский, Рыльск, Путивль, Стародуб). Названы по имени восточнославянского племени северян. – *Примеч. ред.*

В действительности же он вступил в полосу бедствий, которой суждено было завершиться крахом.

* * *

Первой жертвой решения Карла оказался Левенгаупт. 15 сентября, в тот день, когда Карл снялся с лагеря в Татарске и направился на юг, Левенгаупт находился в тридцати милях западнее Днепра. Карл в это время был в шестидесяти милях к востоку от реки. Петр тотчас усмотрел открывшуюся перед ним возможность: расстояние в девяносто миль оставляло обоз без защиты. Шереметева с главными силами царь отправил на юг, чтобы отрезать Карла от обоза Левенгаупта. Но десять батальонов отборной пехоты, включая преображенцев и семеновцев, были оставлены и посажены на коней; вместе с десятью полками кавалерии и драгун они составили «корволант» – «летучий корпус» численностью в 11 625 человек, во главе которого встал сам царь. С этими силами Петр и Меншиков отправились на запад, чтобы перехватить Левенгаупта. Царь не располагал точными сведениями о численности корпуса Левенгаупта. Доносили, что у него около 8000 человек, тогда как на самом деле было 12 500. На всякий случай Боуру с 3-тысячным отрядом драгун тоже было велено выступить на запад и соединиться с царем. Таким образом, наперехват 12 500 шведам двигалось 14 625 русских.

Между тем измученный трехмесячным нелегким путем обоз Левенгаупта 18 сентября подошел наконец к Днепру. Здесь Левенгаупта перехватили три королевских гонца с приказом перейти через реку и поворачивать на юг, к новому месту встречи – Стародубу. В течение трех дней усталые солдаты переправляли подводы через Днепр. 23 сентября, когда на восточный берег высаживались последние роты, Левенгаупта встревожило приближение значительных групп русских войск – то тут, то там на опушке леса замаячили кавалеристы в красных мундирах. Тогда он поспешил к городу Пропойску на реке Сож. Если бы он успел вовремя переправиться через Сож, у него были бы неплохие шансы настичь королевскую армию целым и невредимым.

Началась упорная гонка. Левенгаупт отчаянно рвался к Пропойску, но его тяжело груженные фуры вязли в дорожной грязи. Утром 27 сентября передовые отряды русской конницы настигли его и сцепились с тыловым охранением. Левенгаупт понял, что серьезного столкновения не избежать и, значит, нужно сделать выбор: то ли оставить арьергард сдерживать противника сколько возможно и в крайнем случае пожертвовать им, а самому со всеми войсками и обозом попытаться как можно скорее достичь Сожа или же остановиться и принять бой. Левенгаупт был верен себе – он выбрал второе. Отослав подводы вперед, он вывел пехоту и конницу на дорогу и построил в боевой порядок, ожидая нападения русских. Так они и простояли все утро и первую половину дня 27 сентября. Ближе к вечеру стало ясно, что русские пока нападать не собираются. Левенгаупт, свернув боевой порядок, отошел по дороге на несколько миль и снова приготовился к бою. Солдаты простояли в строю всю ночь.

На следующее утро, 28 сентября, так и не дождавшись атаки, шведы снова отступили, отбиваясь на марше от вившихся вокруг них русских конников, и дошли до деревни Лесная, лежавшей в дневном переходе от Пропойска. Тут-то и сказалась потеря почти целого дня. Не будь этого бесплодного ожидания, Левенгаупт мог бы переправиться через Сож и быть в безопасности.

Теперь же, осаждаемый русскими, Левенгаупт понял, что до реки ему не добраться и придется принимать сражение. Он выслал 3000 кавалеристов вперед к Пропойску – занять переправу, а сам с оставшимися 9500 солдатами изготавился к бою. Он приказал частично распределить обоз между офицерами: полковник мог оставить за собой четыре подводы, майор – три, и так далее.

Петр, со своей стороны, приказал спешиться драгунам и посаженной на коней пехоте и расположил их на опушке леса, поручив Меншикову командовать восемью полками на

левом крыле, а на себя взял правое крыло с семеновцами, преображенцами и тремя драгунскими полками. В час дня 28 сентября началось сражение. Оно бушевало целый день, и, по словам Петра, «виктории нельзя было во весь день видеть, куда будет». Когда войска Меншикова дрогнули, Петр послал им на подмогу семеновцев, которые отчаянной контратакой восстановили смешавшиеся было ряды. Когда минуло четыре часа пополудни, на помощь русским явился Боур с тремя тысячами драгун, но шведы уравнили численность, отозвав к месту схватки 3000 кавалеристов, посланных ранее на защиту переправы. Бой не унимался до ночи, но внезапно налетела невиданная для ранней осени пурга, слепившая глаза, и заставила прекратить битву. Хотя шведы сохраняли строй, Левенгаупт приказал отступить и поджечь подводы. Полыхали в ночи, рассыпая бесчисленные искры, фуры с припасами, которые с таким невероятным трудом дотащились сюда из Риги – под проливными дождями, по разбитым лесным дорогам. Медные и чугунные пушки, чтобы они не достались русским, сняли с лафетов и зарыли в землю. Зловещее зарево горящих подвод освещало картину всеобщей сумятицы: не устояла и шведская дисциплина. Солдаты бросились хватать с офицерских подвод пожитки и водку. Подразделения потеряли связь друг с другом, и многие солдаты заблудились в лесу. Некоторые пехотинцы вскочили на выпряженных из подвод коней и пустились вскачь к Пропойску, чтобы найти спасение за рекой. Когда уцелевшие полки подошли на рассвете к Пропойску, оказалось, что все мосты сожжены. Поэтому переправить немногие оставшиеся подводы было уже невозможно, и их сожгли на берегу. Вдобавок на беспорядочно отступавших шведов налетели казаки с калмыками и порубили на берегу еще 500 человек.

Лишь поутру стало ясно, какое бедствие постигло шведов. Дневная битва и ночной хаос стоили Левенгаупту половины его сил: из 2000 кавалеристов осталось 1393, из 2500 драгун – 1749, а из 8000 пехотинцев уцелело всего 3451. Общие потери составили 6307 человек, из них более 3000 попали в плен. Немало шведов поодиночке или сбившись в кучки блуждали по лесам, пока не были перебиты или взяты в плен. Тысяче человек удалось добраться через Литву обратно в Ригу. Обмундирование, провиант, боеприпасы и медикаменты – все, в чем так отчаянно нуждался Карл, – пропало. Русские потеряли убитыми 1111 человек и ранеными 2856. С обеих сторон в бою участвовало примерно по 12 000 человек, русские потери составили одну треть, а шведские – половину личного состава.

Остатки своей потрепанной армии – около 6000 человек – верхом на распряженных обозных конях Левенгаупт повел к Северной земле. Довольствуясь тем, что поле боя осталось за ним, Петр не преследовал шведов, и наконец, десять дней спустя, Левенгаупт добрался до королевского лагеря. Но каково было разочарование Карла, когда вместо огромного обоза с провиантом для армии и 12 500 солдат свежего пополнения Левенгаупт привел в лагерь 6000 измученных, изголодавшихся людей – и ни артиллерии, ни провианта! Кавалерийские подразделения еще можно было как-то сохранить, но пехотные поределели настолько, что были расформированы, а уцелевшие солдаты распределены по другим полкам для восполнения потерь.

При виде вновь прибывших королевской армией овладело уныние. Битва у Лесной продемонстрировала, что у русской армии появились новые боевые качества. Обе стороны имели почти равную численность, а шведы потерпели поражение. Однако Карл держался хладнокровно. Он не бранил Левенгаупта ни за медлительность, ни за поражение. Король понимал, что тут есть и его доля вины: он слишком долго ждал Левенгаупта, но все же ему не хватило терпения его дожидаться.

* * *

Тем временем русские торжествовали. Они считали, что неприятель превосходил их числом, и были уверены, что не просто победили, но одолели более многочисленного противника. Позднее Петр так писал об этой победе, оценивая ее значение для боевого духа своих солдат: «Сия у нас победа может первую назваться, понеже над регулярным войском

никогда такой не бывало, и к тому же, еще гораздо меньшим числом будучи перед неприятелем, и поистине она виною всех благополучных последований России, понеже тут первая проба солдатская была, и мать Полтавской баталии»⁴⁴.

Для Петра каждое сражение было еще и этапом в деле становления боеспособной русской армии. Даже когда его войска терпели поражение, он непременно интересовался тем, как они вели себя под огнем, и если отступали, то сохраняли ли должный порядок. После битвы у Лесной Петр разослал письма соратникам и даже Августу. Подробное описание и схемы сражения он отправил царевичу в Москву, чтобы тот распорядился напечатать их по-русски и по-голландски. Известия о победе над якобы непобедимыми шведами надлежало распространить не только в России, но и по всей Европе. После битвы Петр повел «летучий корпус» в Смоленск, где было устроено триумфальное шествие, гремел орудийный салют, вели шведских пленников и несли захваченные знамена.

Петр еще находился в Смоленске, когда в середине октября добрые вести пришли и с севера. Общий замысел Карла предусматривал нападение 14-тысячного корпуса Любеккера на Петербург. Хотя прежде всего эта акция должна была отвлечь внимание и силы царя от шведского наступления на Москву, Карл все же надеялся, что Любеккеру удастся овладеть новым городом в дельте Невы.

Любеккер выступил в поход по Карельскому перешейку и 29 августа переправился через Неву выше Петербурга. Однако слух о неприступности городских укреплений, пущенный Апраксиным, возымел действие: Любеккер не решился напасть на Петербург и продолжил свой поход по Ингрии, обходя город с юго-запада. Безжалостный петровский приказ опустошать всю местность на пути врага вновь принес свои плоды. Вскоре шведы истощили собственные запасы провизии и, не находя пропитания в окрестностях, были вынуждены есть собственных лошадей. Не располагая артиллерией, Любеккер не мог штурмовать ни один укрепленный город и блуждал по Ингрии, пока наконец не вышел к балтийскому берегу недалеко от Нарвы, где его солдат взяла на борт шведская эскадра. Но коней не могли погрузить на суда, и, чтобы они не достались русским, пришлось погубить 6000 животных, убив их или перерезав им сухожилия. После этого шведская эскадра вернулась в Выборг, в Финляндию. Таким образом, Любеккер сделал полный круг вокруг города Петра, ровным счетом ничего не добившись и потеряв 3000 солдат. Даже в качестве отвлекающего маневра эта экспедиция не достигла цели: ни один солдат основных русских сил, противостоявших Карлу, не был отправлен на север.

Пробыв в Смоленске еще три недели, Петр выехал к армии Шереметева. Боевой дух в русском лагере был высок, как никогда, ибо вести о победе у Лесной и успехах Апраксина в Ингрии вселили в офицеров и солдат воодушевление и уверенность в себе.

В этот момент фортуна, не благоволившая России в первые годы войны, но ныне будто бы улыбнувшаяся Петру, вновь отвернулась от него и нанесла ликующему царю, казалось, сокрушительный удар. 27 октября, когда армия Карла углубилась в Северскую землю и спешно двигалась на Украину, Петр получил срочное донесение от Меншикова: Мазепа – гетман украинских казаков, двадцать один год верно служивший Москве, – изменил царю и перешел на сторону Карла.

⁴⁴ Полтавское сражение произошло ровно через 9 месяцев после сражения под Лесной. – *Примеч. ред.*